

Вэньянь Лу

ПЛАКАЛЬЩИЦА

В ПЕРЕВОДЕ
МАКСИМА СОРОЧЕНКО

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Л 82

Wenyan Lu
THE FUNERAL CRYER

Печатается с разрешения Hanover Square Press при содействии
литературного агентства Intercontinental Literary Agency
Copyright © Wenyan Lu, 2023
All rights reserved

Перевод с английского Максима Сороченко

Оформление обложки Виктории Манацковой

Книга подготовлена совместно издательствами
«Строки» и «Азбука».

Текст публикуется в редакции издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-30040-8
ISBN 978-5-00216-437-0

© Сороченко М., перевод, 2024
© huaeriphanу, иллюстрация на обложке, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
Строки, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Пресса и коллеги о «Плакальщице» Вэньянь Лу

Здесь блистает сардонический, грустный и умный внутренний монолог заглавной героини. Ее размышления о горе, смерти, любви и долге поэтичны и полны тоски по чему-то иному. Идеальная книга для ценителей современной прозы, особенно для тех, кто любит необыкновенные романы про обыкновенных людей.

Library Journal

Вэньянь Лу — автор на редкость пронизательный, и мельчайшие детали у нее полнятся смыслами, а героиня не кажется пассивной жертвой — она наделена сильным голосом, который и рассказывает эту многослойную историю.

Shelf Awareness

Грустный, пронзительный, а порой болезненно смешной роман. Так и слышишь едкие комментарии рассказчицы, ее сардонический юмор. По мере развития сюжета мы наблюдаем, как плакальщица постепенно преодолевает сомнения в себе и пытается изменить свою жизнь. «Плакальщица» — незабываемая книга, и тому есть немало веских причин. Она необычна, глубока, затрагивает чувства и при этом не лишена здоровой доли оптимизма и юмора. Это просто необходимо прочесть.

TripFiction.com

Душевная история о смерти, но равно о жизни, любви и обретении надежды.

Asian Review of Books

Великолепный анализ смерти, горя, социальной стигмы и идентичности, элегантный и глубокий.

Life With All The Books

Проза Лу обходится без романтического флера и завитушек, и каждая глава отдает аскетизмом из ночного кошмара. Мысли героини ходят по кругу — до чего у нее обвисла грудь, что она готовит на ужин, как ее муж курит перед телевизором и обзывает ее глупой; ее жизнь состоит из руминаций и ритуалов... Монотонность, инерция и одиночество, сковавшие ее по рукам и ногам, мучают всех, но переживания плакальщицы острее, потому что окружающие ее избегают, и такое положение парадоксальным образом дарит ей вспышки глубочайшего постижения неподъемной рутины... «Постепенно» она открывается новым идеям, свежим и редким, как бамбуковые побеги в ее любимой роще.

Наблюдения плакальщицы бесстрастны, наивны, в своей невозмутимости бездонны. Кто-то расслышит в них сардонический юмор или самоуничтожение; кто-то сочтет, что культурные различия подчеркнуты здесь слишком нарочито. Однако те, кто знаком с догматизмом сельского Китая, разглядят в ничтожестве этих мыслей и амбиций, этой жизни и представлений о себе не юмор, но трагедию...

Этот мощнейший роман нарастает до самой кульминации, достойной старинных драм... и приводит нас к мысли, в простоте своей ошеломительной: быть может, если все мы движемся к одному финалу, важно лишь одно — прожить жизнь так, чтобы люди грустили, когда мы умрем.

The New York Times

Тонко и изысканно... Мир Вэньянь Лу крайне убедителен, а жизнь ее героини зачастую выплескивается на страницу с болью. И от этого мы лишь сильнее сопереживаем плакальщице — у Лу получился очень душещипательный роман.

The Big Issue

«Плакальщица» — сардонический анализ горя, история профессиональной плакальщицы из китайской деревни. Эта трагикомедия — свежий взгляд на скорбь и пронзительная история изгоя.

i-D Magazine

Поразительная и по сей день актуальная картина жизни деревенских женщин.

Dorset Magazine

«Плакальщица» с головой погружает читателя в историю немолодой безымянной женщины и ее поисков себя. Вэньянь Лу, уроженка Китая, мастерски вплетает в свой роман старинные мотивы дочерней преданности и оттеняет столкновение традиций с современностью в декорациях захолустной деревни.

The Strait Times

Очень познавательная и пронзительная история, проливающая свет на жизнь нынешнего сельского Китая, на мешанину современных и древних традиций и на узы любви, долга и верности, на которых держится повседневность.

NZ Booklovers

Восхитительный, цельный и глубокий роман о том Китае, какого многим из нас не доведется увидеть собственными глазами. Замечательная книга.

Чикодили Эмелумаду, автор «Озомены»

Проза Вэньянь Лу сдержанна и элегантна, но гнев героини бурлит на каждой странице, точно спящий вулкан. Всей душой рекомендую этот потрясающий дебют.

Стейси Томас, автор «Темных празднеств»

Дивно. Искусно написанное и не лишённое юмора исследование замкнутого общества и женских желаний, с обаятельной героиней, за которую болеешь всей душой.

Иреносен Окоджие, автор «Рыбы-бабочки»

Завораживающий взгляд на деревенские будни в нынешнем Китае. Вэньянь Лу выбрала идеальную героиню: плакальщицу презирают и избегают те самые люди, которым требуются ее услуги, и ее маргинальное, двусмысленное положение в обществе позволяет ей смотреть на окружающий мир под уникальным углом. Она старается быть хорошей матерью, хорошей

дочерью и хорошей женой в плохом браке, а между тем задается вопросами, в которых эхом звучат проблемы традиционной культуры в современной стране.

Сара Бёртон, автор «Станных приключений Х.»

Замечательное погружение в китайскую культуру. Голос главной героини бесподобен — по временам ироничен, порой душещипающ. Ее общение с другими деревенскими наглядно демонстрирует нам, какова жизнь вдали от больших городов.

*М. Дж. Холлоуз, автор «Немецкой медсестры»
и «Немецкого курьера»*

Прекрасная, ужасно трогательная история. Замечательно написанный, незабываемый роман.

Кадиджа Джордж, шеф-редактор SABLE LitMag

«Плакальщица» — удивительное чтение. Казалось бы, сказчица ничего от нас не утаивает, делится всеми подробностями своих будней... и все равно отчасти остается загадкой. Плакальщица как метафора — гениальная находка. Героиня помогает людям высказывать горе, когда они этого не умеют или просто-напросто не горюют, — зачастую они и сами не знают, что у них на душе... И готовьтесь к неожиданному финалу — я который день гадаю, как его понять, а для любого романа это серьезный комплимент.

Kate Vane's Blog

Органично перемешивая юмор и глубокие озарения, «Плакальщица» открывает нам мир сельского Китая. Вэньянь Лу прекрасно знает Китай, и это видно в каждой фразе — мы не только наблюдаем преображение героини, но и постигаем пеструю, прихотливую деревенскую жизнь, тяжкую и требующую стойкости. Эта захолустная обстановка то и дело напоминает нам о том, как сильно влияет на человека родной край и его культура.

В целом «Плакальщица» — история сумрачная, щемящая и не без тонкого юмора. В ней звучит неподвластный времени зов — никогда не поздно открыться переменам и отправиться

на поиски более счастливой жизни — и ярко подсвечен социальный гнет, который в подобных сообществах давит на женщин. А сама фигура главной героини замечательно отражает всю неоднозначность горевания, поскольку задача плакальщицы — помочь другим выказать горе искренне.

Этот роман — свежий и умный взгляд на идентичность, горе и преобразование, и перед ним не устоят ценители вдумчивого чтения, особенно поклонники книг Июнь Ли и Джулии Оцуки.

Aniko Press

Глава первая

Прапрабабушка умерла.

Атмосфера в деревне стояла гнетущая и не без странного облегчения. Казалось, все втайне только этого и ждали.

Своей прапрабабушкой ее считали все жители нашей деревни. Я даже не представляла, сколько ей лет, — мы просто знали, что она жива. На миг я ощутила тайное воодушевление и постыдный трепет в груди, поскольку на ее эпической смерти я немножко зарабатываю.

В тесной кухне ко мне подошла молодая женщина в белом льняном платье и белом капюшоне. Если б она вышла в таком виде на улицу, дети испугались бы до слез.

Пока она читала мне прапрабабушкин некролог, я пудрила щеки. Несколько деревенских поваров с помощниками под громкие крики и стук ножей готовили еду для поминок. Я едва могла повернуться. Со всех сторон меня окружали штабеля больших картонных коробок с надписью «ОСТОРОЖНО: ХРУПКИЙ ФАРФОР» жирными черными буквами.

Молодая женщина не выглядела радостной, но и очень грустной не казалась. Впрочем, я могу ошибаться. Порой видишь не то, что есть.

— Вы правда запомните ее некролог? — спросила она меня.

— Да.

— Просто я волнуюсь. Если вы ошибетесь, дядя рассердится на меня.

— Вам нет нужды волноваться. Все заплачут, я вам обещаю. Даже не сомневайтесь.

— Все-таки я прочитаю еще раз. Для надежности, — сказала она.

Я кивнула, и женщина начала:

— Дорогая прапрабабушка прожила необыкновенную жизнь длиною в сто шесть лет. Она самоотверженно посвятила себя сохранению преемственности своей семьи и ее процветанию. За свою исключительно долгую, стойкую жизнь она преодолела множество трудностей и совершила немало замечательных поступков. Небеса подарили ей двадцать пять внуков, шестьдесят двух правнуков и шестнадцать праправнуков. Более тридцати ее потомков живут теперь за границей. Вся семья и вся деревня будут вспоминать ее с любовью. Она прожила дольше всех в нашем округе, и мы безмерно ею гордимся. Глубокой печалью для прапрабабушки было то, что семеро ее внуков умерли раньше ее. Давайте поплачем о ней и сохраним надежду в наших сердцах ради нас самих.

Я мельком взглянула на себя в зеркало: бледное лицо, длинные нарисованные брови, ярко-алые губы. Идеальный традиционный образ похоронной плакаль-

щицы. На белом платье несколько черных и красных пятен от макияжа, но никто не заметит — все будут скорбеть. Женщина помогла мне завязать на боку большой черный хлопчатобумажный бант. Пучок на затылке выглядел безупречно. Свободные пряди я опустила на виски и заправила за уши, чтобы скрыть морщины. А потом приколола к волосам цветок из белой ткани.

Женщина протянула мне чайную чашечку.

— У вас красивые волосы, — заметила она.

— У нас в деревне хороший парикмахер.

Я потрогала свой пучок.

— И пояс красивый. Вы только посмотрите на мой.

Талию женщины опоясывала простая бельевая веревка — символ тяжелой утраты.

— Не важно, как это смотрится. Просто надо его носить.

— Вы правы. Кстати, вам стоит что-нибудь съесть. Хотите рисового печенья?

— Спасибо. Возьму немного для мужа. Он такие любит.

— Попрошу упаковать для вас в коробку. Может, повторим еще раз? Много цифр, легко запутаться.

— Двадцать пять внуков, но семеро умерли, шестьдесят два правнука и шестнадцать праправнуков.

— И не забудьте: она прожила сто шесть лет.

Двор был просторным, но запущенным — из стыков между выщербленными каменными плитами прорастали сорняки. Гости в основном расположились на маленьких табуретках и скамеечках. Кто болтал, кто

пялился в телефон, кто щелкал семечки. Пока что не ощущалось ни малейшей печали или хотя бы огорчения. Большинство присутствующих сидели с безучастными лицами. Когда родственник или друг живет так долго, после их смерти на похоронах часто наступает отрешенность.

Заиграла со́на — это такая труба, в деревнях Северо-Восточного Китая на ней играют всегда, когда кого-нибудь хоронят. Сона пронзительная, скрипучая и очень громкая, как волчий вой в ненастье. Спустя минуту она умолкла. Заиграла кассета с медленной печальной музыкой. Публика притихла — во двор через задние ворота стали заносить гроб. Из красного дерева, с резными узорами на крышке и обернутый белыми шелковыми лентами.

Я посмотрела, как носильщики медленно опускают гроб на помост, в самую середину инсталляции из цветочных венков и корзин. Там царило совершеннейшее буйство красок.

Как только стихла музыка и удалились носильщики, я взбежала на помост, высоко воздевая руки в широких расклешенных рукавах, и опустилась на колени перед гробом. Это моя любимая часть похоронного плача. Я словно прекрасная актриса на сцене перед зрителями.

Скорбящие стояли молча.

Я повалилась на помост и зарыдала:

— О прапрабабушка, неужели ты покинула нас? Как же так? Тебя больше нет, и небо померкло, а земля потемнела. Как ты могла оставить нас? В молодости

сти, в прежнем обществе, у тебя была беспокойная жизнь, но ты никогда не жаловалась. В нашем новом социалистическом обществе ты оправилась от невзгод благодаря партии, ты родила семерых детей, последовав призыву председателя Мао произвести на свет как можно больше граждан для нашей родины. И хотя председатель Мао не присвоил тебе официального звания матери-героини, ты внесла замечательный вклад в увеличение населения нового Китая. После тебя остались две дочери, восемнадцать внуков, шестьдесят два правнука и шестнадцать праправнуков. Это ли не подвиг! Кто мог бы желать лучшей судьбы?

Я выдержала паузу. Никто не плакал.

Я глубоко вздохнула, подалась вперед и ладонями хлопнула по полу.

Затем повторила:

— О прапрабабушка, неужели ты покинула нас? Как же так? Тебя больше нет, и небо померкло, а земля потемнела. Как ты могла оставить нас? Как? — Я потеряла глаза. — Прапрабабушка, ты смотришь на нас с небес? Видишь, как сильно мы по тебе скучаем? Как мы скорбим? С какой нежностью будем тебя вспоминать? Мы будем помнить все, что ты сделала для своей семьи и для своей страны. Мы рады, что теперь ты воссоединилась с прапрадедушкой на небесах. Нам была бы невыносима мысль о том, что ты там одна.

Кое-кто принялся тереть глаза. Я замедлила темп.

— Прапрабабушка, мы надеемся, что ты видишь наши слезы.

Тут уже плакали почти все, и я вздохнула с облегчением; я была довольна. Я честно заработала деньги, которые мне заплатят.

— Но жизнь должна продолжаться. Теперь прапрабабушка хотела бы увидеть наши улыбки. Счастье мимолетно, и она знает это, как никто другой. Это правда, что мы скорбим о ней, но в то же время мы празднуем ее редкое долголетие. Она подарила процветание и гордость своим родственникам и нашей деревне. В знак глубочайшего почтения ее семья организовала поминальный обед. Теперь мы все можем поделиться историями о нашей любимой прапрабабушке. Кстати, прежде чем приступить к еде, не забудьте взять свою фарфоровую чашку долголетия.

Пока все шмыгали носом, я объявила, что спою веселые песни, чтобы разрядить обстановку. Неловко петь веселые песни на похоронах, но таков обычай. Прощание осталось в прошлом. Жизнь должна продолжиться с радостью и надеждой.

После громких аплодисментов я быстро и бесшумно отошла в глубину двора, откуда было видно, как обслуживающий персонал расставляет тарелки с поминальной едой на больших столах.

Аромат горячей еды наполнил воздух. На лицах людей не осталось и следов грусти. Все уже разглядывали тарелки и ковыряли еду палочками. У меня заурчало в животе.

Я огляделась в поисках знакомых лиц и увидела деревенского парикмахера. Когда пойду к нему в сле-

дующий раз, скажу, что людям понравилась прическа, которую он мне сделал.

В Китае застолье на похоронах называют банкетом с тофу. Раньше поминальный обед был целиком вегетарианским, с тофу в качестве основного блюда. Твердый или мягкий, жареный, вареный или приготовленный на пару — тофу из питательных соевых бобов был знаком уважения как к мертвым, так и к живым. В последние годы в поминальную трапезу стали добавлять больше мяса и рыбы, но без тофу банкет неполон. В конце концов, тофу белое — цвета смерти.

Я не останусь на банкет с тофу, зато мне дадут еды с собой. Останься я, никто не стал бы возражать, и я бы осталась, если бы хорошо знала покойную. Но прапрабабушка была намного старше, и мне не довелось узнать ее поближе. Она мне нравилась, но меня она, скорее всего, даже не замечала.

Пока люди стояли в очереди за фарфоровыми чашками, молодая женщина вручила мне белый конверт. На ощупь пачка наличных в конверте толстая. Достаточно толстая.

Муж будет доволен.

Глава вторая

Я жила буквально в двух шагах от места прощания с прапрабабушкой, и все-таки дядя молодой женщины устроил так, чтобы меня отвезли на машине. Уважение ко мне отражало родственную почтительность семейства к прапрабабушке.

Когда машина уже трогалась, молодая женщина бросилась к нам и постучала в окошко:

— Вы забыли свою еду.

И помахала мне бумажным свертком.

Дома я сразу пошла в спальню переодеться. Муж сидел посреди кровати прямо в верхней одежде и играл на телефоне.

— Сколько раз тебе повторять? Не приходи домой в этом ужасном белом траурном платье. Ты отнимаешь годы моей жизни. Глупая женщина!

Муж злился.

Я должна была предвидеть, что сейчас он дома. Я сняла платье и направилась в ванную.

Стоя под душем, я снова и снова намыливалась, чтобы смыть все плохое, связанное с похоронами. Но

мыться слишком долго нельзя — муж скажет, что я зря трачу воду.

Когда муж впервые назвал меня «глупой женщиной», я расстроилась. Я знала, что я не глупая, но с тех пор муж обзывает меня так постоянно. Теперь мне это как с гуся вода.

Я распаковала фарфоровую чашку долголетия и поставила в посудный шкаф. Теперь там стояло двенадцать чашек — все одинаковые, с китайским иероглифом «долголетие», оттиснутым на боку.

Чашки долголетия раздавались скорбящим, только когда умирал очень пожилой человек, и это считалось благословением, пожеланием прожить такую же долгую жизнь.

Я никогда не пью из этих чашек — боюсь разбить, а это считается дурной приметой. Но иногда я открываю шкафчик и люблюсь моими драгоценными чашками долголетия.

Я разогрела еду, которой меня угостили на банкете с тофу, и разложила ее по двум тарелкам.

Затем позвала мужа:

— Иди ужинать.

Он вышел из спальни и сел за стол:

— Ужинать? Я еще даже не обедал. А сейчас уже половина пятого.

— Похороны затянулись, — объяснила я. — Давай назовем это ранним ужином?

— Ты хочешь заморить меня голодом?

— Ты мог сходить на похороны. Там собралась почти вся деревня.

— Не люблю слушать, как ты поёшь и плачешь. И ты же все равно таскаешь еду домой.

— Потом можем перекусить еще раз. Я тебе принесла рисовое печенье.

— Белое рисовое печенье? Поминальная закуска. Спасибо, не надо.

— В магазине оно стоит дорого.

Я знала, что муж съест что угодно, если это досталось бесплатно.

— Сколько тебе заплатили? — спросил муж, ковыряя палочками кусочки говядины с «пятью специями»¹.

— Я не считала, но... сказали, что заплатят тысячу триста девяносто девять юаней.

— Ты выбросила белый конверт? — нахмурился муж.

— Выброшу после ужина.

— Отдашь мне деньги прямо сейчас?

— Отдам. — Я начала есть. — После ужина.

Муж был голоден. Я тоже.

Доели мы в молчании.

Забирая его грязную тарелку, чтобы поставить поверх своей, я заметила пару зернышек риса, прилипших к отвороту его куртки. Раньше я бы их сняла — теперь нет.

Пока я мыла посуду, муж считал деньги.

— Тысяча шестьсот девяносто девять юаней, — сказал он.

¹ «Пять специй» — готовая китайская приправа, в которую входят сычуаньский перец, звездчатый анис, корица, гвоздика и фенхель. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Я была довольна и гордилась собой. Мне доплачивали сверху, когда клиенты были удовлетворены моей работой, и такое случалось очень часто. Способность плакать и неплохо петь обеспечила мне хорошую репутацию. Люди считали, что я выступаю искренне, от души. Мне было все равно, сколько докладывали сверху, — любые чаевые доказывали, что люди мне доверяют.

Конкретно эта работа подвернулась неожиданно. Просто однажды прапрабабушка ощутила усталость и осталась в постели. В тот день друзья, партнеры по картам, зашли ее навестить, поскольку она не явилась на игру. Когда пришли, она отказалась ехать в больницу. Перестала есть. И через несколько дней умерла.

Многие умирают быстро, а некоторые вообще внезапно. Родственники умерших обычно в шоке, убиты горем и нуждаются в большой заботе и внимании. Но я готова к любым сценариям. Родственники покойного, умиравшего долго, заслуживают не меньше внимания и заботы.

Я знаю множество историй и секретов, которых никогда бы не услышала, если бы не работала похоронной плакальщицей. Часто скорбящим нужно поделиться сокровенным, но желательно с тем, кто знает их не слишком хорошо и никому ни о чем не расскажет. Вот, к примеру, со мной. Этим людям я, как правило, чужая. Большинство их историй трагичны или просто неприятны, но я всегда внимательно слушаю и почти никогда не комментирую. Я всего лишь пара ушей, не более того.

Лу В.

Л 82 Плакальщица : роман / Вэньянь Лу ; пер. с англ. М. Сороченко. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА ; М. : Строки, 2025. — 416 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-30040-8

ISBN 978-5-00216-437-0

Похоронная плакальщица давно смирилась с судьбой. Даже в крошечной деревне она одинока: муж ожидает от нее безмолвного обслуживания, дочь давно уехала, а односельчане уверены, что ее появление в доме — к несчастью. И муж тоже так считает, что, впрочем, не мешает ему жить на деньги, от которых «несет мертвечиной». Все твердят, что никто не заставлял плакальщицу выбирать подобный заработок, однако обстоятельства сильнее любых слов — она вынуждена отвечать за семью и жить среди тех, кто презирает ее, однако отчаянно нуждается в ней в самые темные дни. О счастье в деревне говорить не принято, и плакальщица даже не задумывается о том, что несчастна, — она ведь женщина, все могло быть гораздо хуже, так что на жизнь она смотрит сардонически, хотя и не без недоумения.

Но даже в предрешенной судьбе случаются встречи, которые меняют все, — и тогда мир очень медленно наливается красками, а ты начинаешь задаваться самоочевидными вопросами, которые прежде не приходили в голову. Дебютный роман англо-китайской писательницы Вэньянь Лу, удостоенный премии *SI Leeds*, — пронзительная и кристально честная трагикомедия о поиске себя, о неотвратимости понимания и о том, что даже на выжженной земле порой прорастает надежда.

Впервые на русском!

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ВЭНЬЯНЬ ЛУ
ПЛАКАЛЬЩИЦА

«СТРОКИ»

Руководитель контента Екатерина Панченко
Ведущий редактор Мария Логинова
Литературный редактор Виктория Присеко
Корректоры Екатерина Назарова, Елена Комарова
Специалист по международным правам Наталия Полева

«АЗБУКА»

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Гузель Зайдуллина, Нина Писковитина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 08.08.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 25,48. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-BRM-39191-01-R